

Научная статья / Article

УДК 398.22(=512.157)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-104>

Истоки феномена богатырства в истории культуры индоевропейских, тюркских и монгольских народов Евразии

Любовь Михайловна Мосолова

Российский государственный педагогический университет имени

А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, mosolova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается генезис феномена богатырства, содержащийся в культуругенезе индоевропейских, тюркских и монгольских народов России от древности до современности. В начале статьи дается этимология понятий «богатырь», «богатырство». Далее показывается, что уже в первобытном обществе великими персонами осознаются первопродки-демиурги и защитники, связанные с тотемами своих родов и верой в происхождение от могучих зооморфных божеств. Затем в эпоху древних цивилизаций в Евразии складываются грандиозные мифоистории о великих культурных героях, подаривших людям культуру и все ее блага и защищавших в сражениях свои народы от зооморфных чудовищ и врагов. Выявляется, что личность воина-богатыря и феномен богатырства как его главное качество складывается и расцветает в среде иранских, тюркских, славянских и монгольских народов в средневековую эпоху (VI–XIII вв.). В это время возникают новые молодые народы и государства, требующие защиты и самоутверждения в лице дружинного рыцарства. Богатырство сохраняется почти у всех евразийских народов, несмотря на различие их религиозных систем. Показывается, что далее, в Новое время, феномен богатырства с его разными этническими воплощениями продолжает существовать и обращение к сказовым богатырским образам становится традицией у всех народов Евразии. Эти образы содействуют формированию нравственно-интеллектуального основания народного сознания, представлений о долге перед Родиной, служении Отчизне, о воинской чести. Особое внимание в статье уделяется генезису образа святого Георгия-Победоносца и его статусу в государственной идеологии Российской империи. Отмечается, что в современной России феномен богатырства как качество личности воина преемственно существует, а доблестные носите-

ли боевой воинской чести и славы получают высокую награду и высшее воинское звание — Герой России.

Ключевые слова: Евразия, богатырь, богатырство, рыцарство, дружина, предки-демиурги, культурный герой, личность воина, культурогенез, народное сознание, герой

Для цитирования: Мосолова Л. М. Истоки феномена богатырства в истории культуры индоевропейских, тюркских и монгольских народов Евразии // Человек. Культура. Образование. 2024. № 3. С. 104–125. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-104>

The Origins of 'Bogatyrstvo' as a Type of Heroism in the Cultural History of the Indo-European, Turkic and Mongolian Peoples of Eurasia

Lyubov' M. Mosolova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia,
mosolova@mail.ru

Abstract. *The article examines the stock character of 'bogatyry' as a hero of mythological narratives and epic poems in the cultural genesis of the Indo-European, Turkic and Mongolian peoples of Russia from antiquity to the present.*

It is shown that the earliest historical societies have associated their origins with the powerful zoomorphic deities of mythological narratives. Later, in the civilizations of ancient Eurasia, a great myth appeared about the confrontation of the hero with zoomorphic figures and enemies. That hero gave cultural habits, artifacts and benefits to the people.

The personality of 'bogatyry' as the warrior-hero as well as the phenomenon of 'bogatyrstvo' was developed in the Iranian, Turkic, Slavic and Mongolian peoples in the medieval era (VI-XIII centuries). At that time, new young nations and states in the need of the self-affirmation addressed a demand of protection to a military chivalry. Heroism of the 'bogatyry' type persisted in almost all Eurasian peoples, despite the difference in their religious systems.

In Modern times, a heroism of the 'bogatyrstvo' type has become a common tradition in many national cultures of Eurasia. The ideas about of military honor, about loyalty to a squad and to native land and people, as well as about the duty of armed defense of the Motherland were developed at that time. The images of 'bogatyry' contributed to forming the moral and intellectual basis of national consciousness, national identity. The article pays special attention to the genesis

of the image of St. George the Victorious and his status in the state ideology of the Russian Empire.

It is noted that in people's memory in modern Russia, the idea of 'bogatyrstvo' remains associated with valiant service of soldiers who received the highest honorary title of Hero of the Russian Federation.

Keywords: *Eurasia, 'bogatyр', 'bogatyrstvo', chivalry, squad, demiurge ancestors, cultural hero, warrior personality, cultural genesis, national consciousness*

For citation: Mosolova L. M. The Origins of 'Bogatyrstvo' as a Type of Heroism in the Cultural History of the Indo-European, Turkic and Mongolian Peoples of Eurasia. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 3: 104–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-104>

Введение. Изучение и использование эпического наследия народов Евразии, включая почти двести народов громадной России, насущно и актуально всегда, а тем более во времена, полные драматизма и необходимости самоотверженного служения Отечеству и его защите от посягательств со стороны враждебных и агрессивных государств. Мы сейчас вновь переживаем такое время, и существенно то, что данное культурное наследие содержит в себе мощное ценностное содержание — экзистенциальное, нравственное, гражданское, патриотическое, религиозное, эстетическое, высокие эталоны человеческого поведения – самоотверженности, доблести и героизма. Эти фундаментальные ценности были выстраданы нашими народами в многовековом коллективном существовании и историческом взаимодействии и стали их важнейшими духовными традициями, духовными опорами в их бытии. Обращение к ним, продолжение их научного осмысления в современных условиях существования представляется необходимым и важным как в теоретическом, так и практическом отношении.

Основная часть. Народы России, как и многие другие народы мира, непременно имеют в своем культурном наследии грандиозные пласты мифологии, многообразного фольклора, особенно сказового искусства, в котором важнейшее место принадлежит героическому эпосу с его главным персонажем — богатырем. Этот род литературы считается «величайшей вершиной словесного искусства долитературного периода, замечательным результатом коллективного народного творчества, народного и по мировоззрению, и по способу бытования. В эпосе в наивной, но яркой форме выра-

жена высокая ценность и человеческой личности, как личности героической, и коллективизма, воплощенного в этой личности», — отмечал один из наиболее глубоких исследователей эпического наследия народов мира Е. М. Мелетинский [1, с. 52].

Героические сказания воспроизводятся веками естественным образом в форматах устного предания. Их письменная фиксация и тем более литературная обработка — явления относительно позднего исторического периода. При передаче сказаний от поколения к поколению в условиях отсутствия письменности (если не выработаны специальные приемы сохранения информации) первоначальные сведения подвергаются неизбежному и произвольному изменению, искажению. Кроме того, в течение веков и тысячелетий этносы (а с ними — роды, племена, их союзы) распались, переселялись с одной территории на другую, а то и вовсе исчезали с лица земли. Различные войны и социокультурные повороты, смена идеологий и религиозная цензура часто негативно сказывались на воспроизводстве эпических традиций народа. Существенно и то, что поэты и художники, преобразующие в более поздние времена устные предания в литературные произведения, добавляли к текстам свои интерпретации. В этом отношении показательно, например, творчество выдающегося ирано-персидского и таджикского поэта Абулькасима Фирдоуси, создавшего в XI веке на основе цикла древних сакско-согдийских по происхождению сказаний, эпическую поэму о богатыре Рустеме, его предках и потомках — «Шахнаме» (Книгу царей).

Казалось бы, ветры истории превращают сказания народов о своей былой жизни в мифы, легенды, вымысел. Действительно, реальная история с течением времени мифологизируется. Однако это не значит, что мифы являются сплошной выдумкой, фантазией. Со временем мифологизированные сказания стали поддаваться научному анализу и реконструкции заложенных в них первоначальных смыслов. Оказалось, что в мифологических сюжетах и образах закодированы и реальные события далекого прошлого, и отголоски стародавних общественных отношений и норм поведения, и представления о мироздании, божествах и о великих переселениях народов. О достоверности этих утверждений говорили многие ученые — историки, философы, фольклористы и другие исследователи. Приведу несколько высказываний известных ученых по этому поводу. «...Следы древней исторической основы могут быть легко обнару-

жены под мифологическим покровом» — отмечал Г. В. Вернадский [2]. «Мифология — не басня, а истина, действительность, и никогда ее «не убьет метафизика», — утверждал Н. Ф. Федоров [3]. Другой философ — П. А. Флоренский — также полагал, что легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда — это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветленная художественно до идеи, возведенная в тип сама действительность [4].

Не только отечественные, но и зарубежные исследователи развивали мысль о том, что мифология и фольклор (особенно эпос) представляют собой преломленную сквозь призму народного мирозерцания древнюю историю. Например, она содержится в классической работе немецкого автора Якоба Гримма «Немецкая мифология». Более того, исследователи показали, что существует древнейшая традиция — считать богов, которые со временем превратились в объект религиозного поклонения, по своему происхождению реальными людьми, простыми смертными. Такое представление свойственно народам почти всех континентов, хотя схемы и модели самого обожествления не были у всех народов одинаковыми.

Эпическое наследие существует веками и даже тысячелетиями, потому что оно сохраняет историческую память народов о себе, формирует нравственное отношение к прошлому, возбуждает гражданские чувства, патриотизм, воспитывает гордость от сознания прочности тех глубоких корней, из которых выросла современная история и современная культура. Итальянский исследователь фольклора Джузеппе Питре так напутствовал тех, кто прикасается к достоянию народного творчества: «Философ, законодатель, историк – всякий, кто хочет понять свой народ до конца, должен присматриваться к его песням, пословицам, сказкам, а также к его поговоркам, отдельным выражениям и словам. За словом всегда стоит его значение, за буквенным смыслом – смысл тайный, аллегорический, под странным пестрым одеянием сказания кроется история и религия народов и наций» [5].

Когда слушаешь или читаешь богатырский эпос, чувствуешь, что их коллективные авторы или отдельный могучий автор творили не только для своих современников, но и для будущих поколений. Об этом замечательно говорится в бессмертной поэме Фирдоуси «Шахнаме»:

А я воздвиг из строф такое здание,
Что, как стихия, входит в мироздание,

Века пройдут над царственной книгой,
Которую дано мне сотворить.
Меня, над коим тяготеет иго,
Душа людей начнет боготворить:
Для счастья призовут мои напевы —
И даже веки навеки смежив,
Я не умру, я буду вечно жив [6].

Героические сказания творились народным гением не только в прошедшие века. Они создаются и современными этносами, имеющими, как правило, богатое старинное эпическое наследие.

Имея в контексте все вышесказанное, обратимся теперь к рассмотрению одной из очень важных и интереснейших тем, которая вынесена в название статьи, — когда же возник феномен богатырства, появилась идея богатырства и само слово «богатырь» в культурогенезе народов Евразии. Каковы их истоки?

Обратимся сначала к «кустам» первичных значений слова «богатырь», поскольку именно они являются той прочной основой, на которой держатся последующие исторические метаморфозы этих значений, а также содержательные определения, если слово становится важным понятием и занимает особое положение в системе знаний о том или ином существенном явлении. Как показывают исследования, слово «богатырь» очень древнее, оно использовалось в разных языковых семействах и довольно трудно поддавалось этимологизации. До сих пор вопрос о происхождении этого слова остается в определенной мере открытым.

Долгое время считалось, что это слово заимствовано из тюркских языков, хотя имелись и другие гипотезы. В тюркских языках оно присутствует в разных формах (ср. азерб. баһадыр — «богатырь»; узб. баходир; туркм., казах. батыр; киргиз. баатыр; уйгур. батур; якут. бухатыр; шорское paуattuz — «герой»; татар. баһадир; турец. батег и др.). У алтайцев это пэттыр — «богатырь». Однако это слово известно и в монгольских языках: у бурят, монгол, калмыков баатар — «герой» [7, с. 99].

Ряд исследователей относят это слово к более древней индоевропейской языковой семье. В частности, к древнеиранскому баһадор — «храбрый», «смелый», «богатырь»; афганскому баһадур — «храбрый», «отважный»; таджикскому баходур «богатырь» [7, с. 99]. При этом отмечается, что оно глубоко связано с древней-

шим иранским (авестийским) *baa*, далее — *baga* — «участь», «судьба», а также «господин» «бог». Параллельные образования имеются в древнейшем санскрите. Ср. древнеиндийское «*bhaa*» — «благосостояние», «счастье», а также «наделяющий», «дарующий» и как эпитет некоторых богов *bhagavant* — «блаженный», «великий». В среднеиндийском *bhaga-tur* — «полный сил», «наделенный силой и богатством». В современном языке хинди *бахадур* — «смелый», «храбрый», «мужественный» [7, с. 99].

Это слово существует в ряде европейских языков — польском, венгерском, болгарском и других — и в своем древнем значении оно тоже восходит праарийскому (индоираноарийскому) началу.

Обратим внимание на вторую часть слова «богатырь». На санскрите *taiga* — «конь»; *tuga-ga* — «быстро идущий», «богатый»; *tuga* — «сила» «мощь», «победа»; *tura* — «бесстрашный», «скорый», «рьяный». На тохарском языке *baga-atar* — «герой», «доблестный воин», «богатырь».

Выдающийся современный семиотик и лингвист Вяч. Вс. Иванов полагал, что слово «богатырь» представляет собой «сложное слово, первая часть которого восходит к иранскому “бог”, а вторая — к общеиндоевропейскому “муж” и “носитель мужественности» [8, с. 13–14]. В древнерусском языке слово «богатырь», по И. И. Срезневскому, впервые встречается в Никоновской летописи под 6500 г. (1001 г.) и в Ипатьевской летописи под 6748 г. (1240 г.) [9, с. 127].

Многие лингвисты отмечают, что иранское слово «тур», «туран», означающее «смелый», «отважный», «богатырь», со временем перешло с иранского «тур» в «тюрк». История слова «тур/тюрк» показывает, что оно связано с образом быка — тура (зубра, яка). Это животное из рода настоящих быков (семейства полорогих) с огромными рогами водилось в степи и лесостепи Евразии. Из «Авесты» известно, что *sthora* обозначало «крупный рогатый скот». Дело в том, что очень древним тотемом множества индоиранских племен были туры; от них, по мифологии «Авесты», происходили родоначальники древних царей.

В скифское время понятие «тур» закрепилось за кочевым племенем саков, обитавших в широком евразийском пространстве, включая Центральную Азию. Известный ученый иранист Ю. Якубов заключает: те монголоидные тюрки, которые завоевали туроварийцев, приняли культуру туров. Они стали турами-тюрками, особенно верхушка, которая стояла во главе государства. Эти племена

были европеоидами и отличались от тюркоязычных монголоидов, которые имели собственные племенные названия. Как и индоарии, они называли себя «благородными, смелыми, небесными... Когда в VI веке образовалось первое тюркское государство, его официальным языком стал сакский, именуемый согдийским» [10, с. 51]. Это было обусловлено многовековыми контактами.

Начиная с древности, богатыри становятся героями былин и песен. В поэтических сказах они изображаются как рослые и могучие воины, отличающиеся необыкновенной силой, удачью, мужеством. Они стоят на страже Отчизны и совершают подвиги патриотического и религиозного характера.

Если соотнести указанные этимологические знания о значении слова «богатырь» с народами, ныне проживающими в Евразии, то можно сделать вывод о том, что с древних времен и до сегодняшнего дня в этом геокультурном пространстве жили носители и индоевропейских, и тюркских, и монгольских языков, имеющие общее представление о своих защитниках. Существенно, что народы, говорящие на этих языках, до сих пор живут, опираясь в процессе сохранения и развития своей культуры на могучий сказовый пласт своей истории и более всего — на героические эпосы о богатырях. Повидимому, это результат их многовекового совместного существования, разнообразного взаимодействия в периоды мира и войны и общей оценки прошлого.

Поскольку героические сказания облекались в мифологическую форму, а их содержание складывалось в причудливую диахронно-синхронную архитектонику разновременных пластов, мы попытаемся проследить в предельно общем виде культурогенетические вехи в сложении мифоистории героических личностей.

Истоки представлений об эпических героях — впоследствии богатырей — являются весьма архаичными. Они восходят к этнологическим, причинно-объяснительным мифам первобытного раннеродового общества. В них в олицетворенной форме объяснялось происхождение какого-либо явления природы и социальной жизни. Героями становились, как правило, тотемные первопредки-демиурги, ведущие свой род от какого-либо животного и его имени. Во множестве наиболее древних сказаний говорится о том, что они могли добывать готовые блага природы у каких-либо духов-хозяев, в царстве мертвых, у небесных божеств, на дне океана и т. п. (похищать солнце, огонь, живую воду, гонять тучи, убивать ветер, разде-

лять небо и землю, вылавливать рыбу-остров, сражаться с чудовищами, охраняя людей и т. д.) [1, с. 30–41].

Далее, после неолитической революции в эпоху бронзы, на протяжении многих веков (III–II тыс. до н. э.) сформировались великие земледельческие и кочевые цивилизации Евразии (Старого света), включая пространство Центральной Азии. В эти времена медленно происходило осознание различий между природой и обществом, деятельностью людей. В новых мифологических системах отражались огромные успехи социокультурных практик и просматривалась эволюция человека от природной стихийности к героической созидательности.

К этому грандиозному периоду истории относится появление образов культурных героев — мифических персонажей, создающих для людей различные культурные предметы, блага, учащих людей ремеслу, участвующих в мироустройстве, градостроительстве и т. д. Как правило, они считались богами или полубогами(?) или же смертными, возведенными в божество (боги плодородия, богини судьбы, боги различных ремесел — прядения и ткачества, земледелия и гончарства; боги речи и письменности, дорог и торговли; волшебные кузнецы; герои, побеждающие демонов и чудовищ, и т. д.). Важнейшей заботой культурных героев становилась защита человеческого мира от враждебных природных и социальных сил. Они как бы получали «богатырскую миссию» охраны от демонов и чудовищ, заботы о местообитании и деятельности соплеменников, а в целом — охраны общих установлений и защиты порядка жизни, т. е. культуры.

Следует подчеркнуть важный момент в эволюции культурных героев и их описаниях: в эпической классике сохраняется множество отголосков архаического периода, обнаруживаются все функции древних персонажей и метафоры в их характеристиках. Это можно увидеть в наиболее развитых сказаниях: в шумеро-вавилонском «Гильгамеше», в индийской «Рамаяне», бурятском «Гэсере», киргизском «Манасе», калмыцком «Джангаре», в китайском мифе о Фуси, в якутском «Олонхо», казахско-узбекском «Алпамыше», башкирском «Урал-батыре», в эпическом цикле «Кер-оглы» и других сказаниях. Например, в эпосе «Манас» есть компоненты архаических полусказочных слоев — великан Джолой, волшебник Алмамбет, единоборство с богатырской девой, борьба с чудовищами-великанами (доо) и колдунами (аяры), необыкновенное рождение Манаса и т. п.

Эпохой классической древности является последнее тысячелетие до новой эры, а поздней древности — рубеж и первые века новой эры. Это время также называют ранним железным веком, периодом цветения и угасания древних цивилизаций. Именно в это время складывалась могучая собственно эпическая традиция и создавалась часть вышеупомянутых сказаний народов мира. Этот период, по Карлу Ясперсу, стал «осевым временем» человечества, движением мысли «от мифа к логосу», к рационализму, становлением элементов исторического сознания. Изменялось отношение к пониманию прошлого. В частности, античные историки I века до н. э. начинают излагать историю богов и героев в русле реальной человеческой истории.

В этом отношении показателен текст древнегреческого историка Диодора Сицилийского о боге Уране, о котором прежде в эпосах Гомера говорилось как о божестве, олицетворяющем небо, т. е. в мифологическом ключе. У Диодора другая версия: «Повествуют, что первый начал действовать у них (атлантйцев) Уран, который свел разбросанно живущих людей в городскую ограду, причем они согласились прекратить незаконную звериную жизнь. Он изобрел употребление и накопление домашних плодов и немало других полезных вещей. Он овладел большей частью вселенной, по преимуществу странами к западу и северу. Ставший усердным наблюдателем звезд, он предсказывал многое из того, что должно совершиться в мире. Он ввел для народа исчисление года по солнечному движению, месяцев же — по луне и научил распознавать времена каждого года. Потому-то многие, не зная вечного порядка звезд, удивлялись происходящему по предсказанию; а с другой стороны, предположили, что сообщавший об этом причастен божественной природе. После его ухода от людей, ввиду его благодеяний и распознавания им звезд, ему стали воздавать бессмертные почести. Его прозвище перенесли на мир; одновременно с тем, что он оказался причастен к восходу и заходу звезд и к прочему, что совершается на небе, как и одновременно с размером почестей, стали чрезмерно расцениваться и его благодеяния. И его навеки объявили вечным царем всего»[11, с. 52].

Аналогично представляется и верховный бог древнегерманского пантеона Один (он же Вотан). Согласно тексту исландского скальда и историка Снорри Стурлуссона, «Один был великий воин и много странствовал и завладел многими державами. Он был настоль-

ко удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и потому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет обеспечен. Когда его люди, оказавшись в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало. Он считался самой надежной опорой» [12, с. 11].

Таким образом, историки уже в поздней древности дают нам примеры знаний о богах и культурных героях как реально существующих в истории людей, наделенных выдающимися способностями и совершивших крупные деяния, поразившие современников. О них стали складывать легенды, мифы, возводить их в статус героев и божеств.

Далее в конце последнего тысячелетия до новой эры евразийский мир переживал глубокие потрясения и трансформации. После эпохи расцвета древних цивилизаций в пространстве Евразии наступил перепад в процессах культурогенеза. Этому способствовали глубинные изменения в обществе, связанные с деструкцией и угасанием городских цивилизаций и активностью степняков, создавших новые социально-политические структуры и энергично воздействующих на земледельческие народы. После великого переселения народов шли бурные этногенетические, социально-политические процессы, народные движения, культурные изменения, в результате которых утвердилась новая ведущая мировая система — феодализм. На протяжении Средних веков, охватывающих четырнадцать столетий, образовались основные этнические группы, а затем, значительно позже, — нации, которые и поныне населяют Евразию.

Отличительной чертой первого тысячелетия средних веков было «то, что к старым деятелям истории присоединились молодые и притом в высшей степени активные, которые до этого в своей массе составляли принадлежность так называемой варварской периферии старых культурных стран» [13, с. 77–103]. Именно в это время сформировался древнетюркский кочевой мир Великой Степи от Алтая до Тянь-Шаня и Кавказа. Судя по художественному наследию этого региона, здесь тогда же был создан огромный фольклорный пласт культуры. К нему относились, например, каменная монументальная скульптура — каменные изваяния, появившиеся там, где совершали походы, оседали и жили тюркские племена. На горных

плато, в степях, долинах и каньонах широкой Евразии можно увидеть их отчетливые силуэты в сонме камней своеобразных некрополей. Многие из них — обобщенные образы знаменитых сакских и тюркских воинов, отличавшихся и погибших в боях. Некоторые воины изображены в парадной одежде, вооруженными, со знаками отличия.

В мире художественного творчества доминирующее положение стали занимать народные сказания, притчи и средневековый героический эпос. Не только в тексты сказаний, но и в изобразительное искусство вошли темы военных походов, победоносных сражений, поражение врагов, идея неустанной борьбы с силами зла и тьмы, отважное единоборство с врагом или фантастическим чудовищем, сцены упоительных охот богатырей или их роскошные пиршества [14, с. 151]. Среди них есть образы тюркских воинов (фрески Афросиаба и др.). По мнению Вяч. Вс. Иванова, слово «богатырь» в это время широко распространилось в среде степных народов к северу и западу от Алтая, оно переходило из одной евразийской семьи в другую в качестве «миграционного культурного термина» [8, с. 13].

Все это говорит о том, что эпохальный константный образ богатыря и связанный с ним феномен богатырства сложились именно в этот период и ярко расцвели в Старом свете. Богатырство стало пониматься как совокупность особых отличительных качеств богатыря: могучей силы, мужества, ума, храбрости, удали, способности защищать свой народ, воинской доблести. О богатырях и их качествах повествуют все богатырские сказания средневековой Евразии. Вот, например, как описывается разноплеменная дружина в эпосе о киргизском богатыре Манасе — чоро-богатыре:

Сорок тигров, сорок волков,
Чьи сверкают копыта пестро,
Чьи мечи блистают остро,
Вы покинули сорок земель,
Вас влекла единая цель,
И связала присяга вас (цит. по: [14, с. 153]).

Это было настоящее смешение разных народов, чьи военные дружины всадников могли мчаться от престола одного кагана где-нибудь на Енисее или Алтае до другого, скажем, на Тянь-Шане, на Днестре или Дунае.

Исследователи отмечают, что слово «богатырь» появляется на Руси в XI веке. В это время южными беспокойными соседями русских княжеств были кочевые племена половцев (кыпчаков). Они переселились в Восточную Европу с Алтая, были воинственными и говорили на тюркских языках, имели военный строй, отличались светлыми волосами, были прекрасными наездниками-всадниками и исповедовали тенгрианство. Как и предшествующие кочевники (печенеги, берендеи, торки и др.), они нападали и заняли огромные степные пространства от Иртыша и Алтая до Дуная, став хозяевами Великой степи (Дешт-и-Кипчак). Существенно, что они не только воевали с Русью, но и порой были верными союзниками в совместных походах на другие земли. Зачастую они становились наемниками у русских князей и несли сторожевую службу на южных границах. Между народами Руси и Степи велась оживленная торговля, совершались династийные браки. В XI–XIII веках половцы считались наиболее многочисленным народом Степного региона и далее составили основную массу населения татаро-монгольской Золотой Орды [15].

Попутно отметим, что у древних тюрков, как и многих индоевропейских народов, божеством неба являлся зооморфный персонаж — могучий тур-бык с огромными рогами — Тенгри. Мы видим, что и сегодня этот мифообраз несет в себе мощь предков и эпическое звучание, если посмотрим на монумент бурятского скульптора Даши Намдакова «Ханшаим», установленный в наше время в столице Казахстана Астане. Там представлена композиция с фигурой прекрасной сакской царицы Томирис, стоящей с двумя львицами на спине могучего остророгого тура [16].

Учитывая вышеизложенное, можно предполагать, что в результате постоянного, многовекового мирного и немирного взаимодействия тюркоязычных половцев с многими народами Евразии и особенно с Русью, слово «богатырь» (багатур, батыр, баатыр, батир и т. п.) стало гулять по степи и вошло в обиход в русских княжествах, действительно став, по точному выражению Вяч. Вс. Иванова, «миграционным культурным термином» [8, с. 13–14].

Представления о богатырях развивались, видоизменялись и обогащались в последующих торжественных повествовательных песнях о героической старине и русском воинстве в кругу сказаний не только Киевской, но и Московской Руси. Древнерусские воины — Илья Муромец, Микула Селянинович, Василий Буслаев —

стали носителями феномена богатырства. Они по происхождению были крестьянами и, став по статусу общерусскими героями, в поэтических сказаниях воплотили собою силу простого народа, основные качества национального характера русских людей. В связи с этим Н. Бердяев писал: «...русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности». В нем было богатырское начало [17, с. 254].

В тюркских и монгольских обществах в средние века слово «богатырь» (в форме баатур) применялось как личное имя у хазар и болгар (Багатур — хазарский каган). Со времен Чингисхана оно присваивалось правителям или отличившимся лицам, например багатурам личной гвардии великих ханов Монголии. Позднее слово «бахадур» использовалось как царский титул мусульманскими династиями тюрков и монголов (Тимуридов, Сефевидов, Великих моголов и других). Даже в начале XX века этот титул присваивался за военные заслуги отличившимся в боях военачальникам ханской Монголии. В наши дни в тюркских, монгольских, славянских и таджикском языках аналогичными «багатурам», «баатырам», «батырам», «бохадурам», «богатырям» считаются понятия «герой», «лидер».

В заключение подчеркнем, что многотысячелетний процесс осмысления народным сознанием деяний выдающихся людей имел место на протяжении всей истории; он осуществлялся на всей территории Евразии в культурном контексте и диахронике всех больших культурных эпох. Во-первых, в культурирогенезе первобытного раннеродового общества, когда великими персонами становились первопродки-демиурги, связанные с тотемами своих родов и верой в свое происхождение от зооморфных могучих божеств. Во-вторых, в культурирогенезе больших цивилизаций, когда сложились грандиозные мифы о вездесущих культурных героях, подаривших народам культуру, все ее блага, героически защищавших людей и вследствие этого обожествленных. В дальнейшем эти герои воспринимались как сказочные персонажи. В-третьих, в культурирогенезе средневековых обществ Евразии V–XVI веков, когда сформировались молодые народы и возникали государства, требующие защиты и самоутверждения в лице дружинного воинства — сильного, храброго, мужественного. Прообразами персонажей героического эпоса выступали реальные исторические лица, которые легендировались, а поэтическая интерпретация их деяний облекалась в формы древней метафорики. Пример тому опять-таки сказание о Манасе (устаами манасчи Сагымбая). Вот его эпический «портрет»:

Словно из сплава
Золота и серебра он слит.
Словно сделан он
Из опоры земли и неба.
Словно сотворен он
Из солнца и луны,
Земля его держит потому,
Что она плотная, земля.
Он словно рожден из волн
Моря, что под Луной.
Он словно сотворен
Из прохлады небесных облаков.
Он словно создан
Из лучей солнца и луны,
Что на небесах [18, с. 161].

В-четвертых, в последующий период Нового времени слово «богатырь» становится особо важным концептом многих культур народов Центральной Азии. «Концепт, — утверждает лингвист и культуролог Ю. С. Степанов, — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам выходит в культуру» [19, с. 40].

Концепты, в отличие от понятий науки, не только мыслятся, но и поэтизируются и переживаются. Они вызывают пучок ассоциаций, представлений, знаний, симпатии или антипатии. По мнению Ю. С. Степанова, «концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека <...> концепт — это смысл слова» [19, с. 40]. Преемственность в культуре заключена в концептах; они сами состоят из преемственных пластов. Концепт, «существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время», — является константой в культуре [19, с. 41].

Заключение. Содержание и смыслы культуры каждого народа характеризует целый комплекс константных концептов, раскрывающих важнейшие элементы его культуры, его своеобразие, характерные черты мышления, поведения и ее дух. Концепт «богатырство» как раз принадлежит к такому ряду концептов. Рассуждая о богатырстве, известный поэт и ученый А. К. Толстой видел в этом феномене проявление особого свойства, таланта нации.

Эпические герои представляли собой высокий образец для подражания в рамках своей культурной эпохи. Однако их поступки являлись нормами и правилами, адресованными и последующим поколениям. «С давних времен русские богатыри служили образцом, являлись примером для подражания, — пишет современный исследователь И. С. Кокарев. — Обращение к богатырским образам, их разнообразное воплощение в культурном пространстве России стало традицией. Изначально героический эпос решал важную культурно-воспитательную задачу — формировал нравственно-интеллектуальные основания народного сознания, его представление о долге перед Родиной, воинской чести, напоминал новым поколениям о подвигах, совершенных их предками» [20, с. 5]. Добавим к этому, что обращение к традициям богатырства, к образам героев-богатырей характерно и для современных тюркских, монгольских, угорских и других народов Евразии, имеющих богатое эпическое наследие.

Героические сказания о богатырях, созданные в языческих культурах, не исчезли после принятия народами христианства или мусульманства. «Постепенно в эпические произведения входили элементы христианских или мусульманских текстов; сказители (паломники, исполняющие духовные стихи, поэты и музыканты) как бы выхватывали отдельные сложные участки стихийного процесса христианской, или мусульманской, или же буддийской трансформации эпического мышления. Евразийские аэды и рапсоды продолжали петь и сказывать героические эпосы, внося в них изменения, соответствующие своему новому религиозному мировоззрению» [21, с. 36].

Важнейшие элементы духовных традиций старинного богатырства вошли в национальную ментальность народов Евразии и сегодня живут в ее ключевых образно-символических структурах. Возьмем один из ярких примеров тому — очень емкий по своему культурному содержанию образ святого Георгия, его историю и метафизику. Это тема змея и змееборца, издревле широко представленная в традиционном символическом наследии народов Евразии и отличающаяся богатой топикой. Простираясь из архаических глубин, она дошла до нашего времени, несколько модифицируя свой сакральный текст.

Образ могучего всадника на гордом коне, топчущем змея-дракона, чаще всего ассоциировался с одной из ведущих символических фигур европейско-христианской цивилизации — свя-

тым Георгием или Георгием-Победоносцем. Этот образ соотносился с римским воином, принявшим мученическую смерть за утверждение христианской веры в мире, с небесным покровителем «христоролюбивого воинства», а также с идеальным воином как образцом сословной рыцарской чести. В русской традиции представление о Святом Георгии несколько иное. Воинская, рыцарско-княжеская линия в трактовке образа Георгия перекрещивается с более древней народной сакрализацией его как всадника-драконоборца, отвращающего от человека чудовищного змея, который нападал на селения и требовал жертвоприношения девушек и юношей.

На Руси воинско-христианская и народная драконоборческая традиция сопряглись в 1104 году в честь победы ладожан над шведами. В столетие православной Руси в г. Ладоге был построен белокаменный Георгиевский собор, а в его интерьерах на фресках был изображен святой Георгий в воинских доспехах, в красном плаще на белом коне, поражающий змея-дракона.

Подчеркнем, что образ святого Георгия укоренен у славянских и мусульманских народов не только в средневековой культуре, но и ранее в древних языческих представлениях. Эти народы перенесли на Георгия некоторые черты весенних божеств плодородия и связанную с ними символическую обрядность. Варианты его имени — Еры (белорус.), Юрай (хорват.), Юри (укр.), Егорий Храбрый, Ярила (рус.) и др. Облик его наделен очень древней космологичностью, сказочными чертами. «Голова у Егория вся жемчужная, по всем Егорие часты звезды», — говорится в русских духовных стихах [22, с. 275]. В легендах он выступает как покровитель скотоводства; в них подчеркивается его таинственная связь с конем и трактовки его как особого всадника.

Мусульмане, знавшие византийские константинопольские легенды о святом Георгии как о грозном чуде-всаднике, с почтением относились к нему. Но больше всего в мусульманстве, в том числе у кочевников, его почитали как одного из весенних божеств — покровителей скотоводства. Они отмечали весенний праздник Георгия 23 февраля как важный сезонный рубеж скотоводческого календаря. В этот день впервые выгоняли скот на пастбища, закалывали первого весеннего ягненка. В период господства Османской империи в Турции «ритуальный» выгон коней Султана назначался на этот день [22, с. 275]. У кочевников Евразии этот день тоже являлся праздничным.

Если сравнивать плеяду архаических богов и героев змееборчества с Егорием Храбрым — Георгием, то наиболее близким ему оказывается мифологический сюжет борьбы арийского ведического бога Индры с змеем — демоном тьмы Вритрой, надолго — на полгода — заглывающим солнце. Убив демона дубиной, Индра «породил небо и утреннюю зарю», «породил солнце», «освободил скованные льдом воды», нашел спрятанный в тайне «клад неба» и похоронил черную кожу» [23, с. 7–422].

Существенно, что в славянской мифопоэтике есть упоминание об Индрокке, который «всем зверям отец» и прочищает «ключи источники». Имея это в виду, известный санскритолог Н. Р. Гусева пишет, что древним происхождением в славянском язычестве обладает «пастух, защитник людей и их стад, убивающий своим посохом... змея-дракона, пожирающего свет. Из этого древнейшего образа родился поздний герой света Егорий, вошедший в христианство под именем Георгия Победоносца. Такого развитого культа этого героя, как у нас, нет у других индоевропейских народов, хотя в фольклоре многих народов есть легенда о змееборце, но это не борьба за освобождение света» [24, с. 25].

Таким образом, герой света — один из древнейших архетипов традиционной культуры индоевропейских народов и их соседей, обитающих в Евразии. Этот герой стал самым популярным и символически значимым в культуре Руси и России. С XII века, как отмечалось, изображение всадника-иконоборца появляется во фресках (церковь Святого Георгия в Старой Ладогe) во множестве православных икон. Оно становится в этом же веке эмблемой Москвы, затем, в XIV веке, входит в состав герба Москвы, а в XVIII – в герб и знамена Российской империи. В это же время была учреждена и одна из самых почетных наград Российской империи – высший орден Святого великомученика и победоносца Георгия.

Большой Кремлевский дворец, построенный в середине XIX века, имеет в своем составе самый большой, блистающий серебром и самый светлый парадный зал — Георгиевский. Он был посвящен славе русского воинства и одноименному ордену. В самом начале XX века, накануне Первой мировой войны, был учрежден военный Георгиевский крест, ставший высокоценным в народе. В его композиции — георгиевская лента. В современной культуре нашего Отечества образ святого Георгия Победоносца воплощает метафизическую ценность Света и Добра, олицетворяет христианскую любовь к ближнему и символически утверждает реальную высочай-

шую значимость героических деяний воинов – защитников России и ее народов.

Духовная традиция глубокого народного почитания людей за их выдающиеся воинские деяния прошла золотой нитью через тысячелетия, и сегодня она символически сверкает в акте вручения самого высокого звания и орденой награды современным носителям идеи и практики богатырства — Героям России.

Список источников

1. Мелетинский Е. М. Возникновение и ранние формы искусства // История всемирной литературы : в 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. 583 с.
2. Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.: Аграф, 1996. 283 с.
3. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Прогресс, 1995. Т. 1. 359 с.
4. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М.: Академический проект, 1990. Т. 1. 375 с.
5. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М.: Иностранная литература, 1960. 378 с.
6. Фирдоуси. Шахнаме. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 2. 643 с.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13500 слов: Т. 1–2. М.: Стереотип; Рус. яз., 1994. Т. 1. 612 с.
8. Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // В евразийском пространстве: звук, слово, образы / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов; сост.: Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2003. 453 с.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. С. 127.
10. Якубов Ю. Я. Начальный этап согдийско-тюркского этнокультурного синтеза // Диалог цивилизаций. Бишкек: Илим, 2001 (4). 212 с.
11. Лосев А. Ф. Теогония и космогония // Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 784 с.
12. Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Наука, 1980. 687 с.
13. Конрад Н. И. Средние века в исторической науке // Запад и Восток: статьи. М.: Восточная литература, 1972. 496 с.
14. Мосолова Л. М. История искусства Кыргызстана : в 2 т. Т. 1 (с древнейших времен до XX века). СПб.; Бишкек: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 245 с.
15. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 279 с.
16. Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова. Выставки в Государственном Эрмитаже. СПб.: Чистый лист, 2010. 224 с.

17. Бердяев Н. А. Русская идея. Париж: УМСА – PRESS, 1971. 259 с.
18. Мусаев Самар. Эпос «Манас». Фрунзе: Илим, 1979. 205 с.
19. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
20. Кокарев И. С. Идея богатырства в русской культуре : дис. ... канд. культурологии. Иваново, 2017. 155 с.
21. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 638 с.
22. Аверинцев С. С. Георгий Победоносец // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 274–275.
23. Гимны об Индре. Мандалы I–IV «К Индре»// Ригведа. М.: Наука, 1989. С. 7–422.
24. Гусева Н. Р. Арктическая родина в «Ведах»// Древность: арьи, славяне. М.: Фаир-Пресс, 1996. 216 с.

References

1. Meletinsky E. M. Emergence and early forms of art. *Istoriya vseмирnoj literatury* [History of world literature]: in 9 vol. Moscow: Nauka, 1983. Vol. 1. 583 p. (In Russ.)
2. Vernadsky G. V. *Drevnyaya Rus'* [Ancient Russia]. Moscow: Agraf, 1996. 283 p. (In Russ.)
3. Fedorov N. F. *Sobranie sochinenij* [Collected works]: in 4 vol. Moscow: Progress, 1995. Vol. 1. 359 p. (In Russ.)
4. Florensky P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [Pillar and confirmation hearing]. Moscow: Academic Project, 1990. Vol. 1. 375 p. (In Russ.)
5. Cocciara J. *Istoriya fol'kloristiki v Evrope* [History of folkloristics in Europe]. Moscow: Foreign literature, 1960. 378 p. (In Russ.)
6. Ferdowsi. *Shahname* [Shahnameh]. Moscow: Izd-vo Academy of Sciences of the USSR, 1960. Vol. 2. 643 p. (In Russ.)
7. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: 13500 slov* [Historical and etymological dictionary of the Russian language: 13500 words]: Vol. 1-2 Moscow: Stereotype; Rus. spring, 1994. Vol. 1. 612 p. (In Russ.)
8. Ivanov Vyach. Vs. Eurasian epic mythological motifs. *V evrazijskom prostranstve: zvuk, slovo, obraz* [In the Eurasian space: sound, word, image]. Ed. Vyach. Vs. Ivanov; comp. L. O. Zayonc, T. V. Tsivyan. Moscow: Language of Slavic culture, 2003. 453 p. (In Russ.)
9. Sreznevsky I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Moscow, 1958. Vol. 1. 127 p. (In Russ.)
10. Yakubov Yu. Ya. The initial stage of the Sogdian-Turkic ethnocultural synthesis. *Dialog civilizacij* [Dialogue of civilizations]. Bishkek: Ilim, 2001 (4). 212 p. (In Russ.)

11. Losev A. F. Theogony and cosmogony. *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl, 1996. 784 p. (In Russ.)

12. Snorri Sturluson. *Krug zemnoj* [The earth is round]. Moscow: Nauka, 1980. 687 p. (In Russ.)

13. Konrad N. I. The Middle Ages in historical science. *Zapad i Vostok: stat'i* [West and East: articles]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1972. 496 p. (In Russ.)

14. Mosolova L. M. *Istoriya iskusstva Kyrgyzstana* [History of art in Kyrgyzstan]: in 2 vol. Vol. 1 (с. the oldest vremen do XX century). SPb.; Bishkek: Izd-vo RGPU im. A. I. Herzen, 2021. 245 p. (In Russ.)

15. Pletneva S. A. *Polovcy* [Polovtsy]. Moscow: Nauka, 1990. 279 p. (In Russ.)

16. *Nostal'giya po istokam. Vselennaya kochevnikov Dashi Namdakova. Vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe* [Nostalgia for the stock. The universe of nomads Dasha Namdakova. Exhibitions in the State Hermitage]. St. Petersburg: A clean slate, 224 p. (In Russ.)

17. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Paris: UMSA-PRESS, 1971. 259 p. (In Russ.)

18. Musaev Samar. *Epos «Manas»* [The epic «Manas»]. Frunze: Science, 1979. 205 p. (In Russ.)

19. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constant. Dictionary of Russian culture. Experimental research]. Moscow: Language of Russian culture, 1997. 824 p. (In Russ.)

20. Kokarev I. S. *Ideya bogatyrstva v russkoj kul'ture : dis. ... kand. kul'turologii* [The idea of heroism in Russian culture : thesis. ... sugar. Cultural studies]. Ivanovo, 2017. 155 p. (In Russ.)

21. Propp W. Ya. *Russkij geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow: Labyrinth, 1999. 638 p. (In Russ.)

22. Averintsev S. S. George the Victorious. *Mify narodov mira* [The myth of the world of nations]. Moscow, 1987. Vol. 1. Pp. 274–275. (In Russ.)

23. Hymn to Indra. Mandaly I–IV “K Indre”. *Rigveda* [Rigveda]. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 7–422. (In Russ.)

24. Guseva N. R. Arctic homeland in «Vedah». *Drevnost': ar'i, slavyane* [Antiquity: Aryan, Slavic]. Moscow: Fair Press, 1996. 216 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48)

Information about the author

Lyubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika emb. St. Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	03.08.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	22.08. 2024
Принята к публикации / Accepted for publication	02.09.2024

Научная статья / Article

УДК 398.61

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-125>

Репрезентация и трансформация образа рыбы в якутской культуре

Ульяна Петровна Суздадова^{1,2}

¹Санкт-Петербургский государственный институт культуры

²Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург, Россия
upsuzdalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7529-7385>

Аннотация. *Статья посвящена изучению семантики образа рыбы в культуре якутов. Рыболовная деятельность была не только важным источником пищи, но и существенно влияла на формирование и развитие представлений якутов об окружающем мире. В связи с этим сложились уникальные рыболовные традиции, а образ рыбы стал частью зооморфного кода якутской культуры. Однако изучение знаковых аспектов образа рыбы в культуре саха носит преимущественно отраслевой и фрагментарный характер. Указанное обстоятельство ставит задачу комплексного междисциплинарного исследования указанного феномена с целью систематизации его семантических свойств.*

В статье рассматривается богатый спектр смысловых коннотаций образа рыбы как существа-земледержца; персонажа, связанного с потусторонним миром; элемента шаманских практик; символа смерти; препятствия, обеспечивающего переход из одного мира в другой; символа плодородия; существа, связанного с духом воды и хозяином водоемов; символа богатства; родового тотема. Обзор представленных значений осуществля-